

Глава 8
ВТОРАЯ ЧАСТЬ ХРОНИКИ ПАТЕ
(ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВА ТРЕХ БРАТЬЕВ-НДУГУ
В ПРАВО ДВУХ БРАТЬЕВ)

Суахилийский документ, называемый «Хроникой Пате», был составлен в самом начале XX века на основании устной традиции и будто бы утраченных более ранних записей. Он был записан старосуахилийским письмом, созданным некогда на основе арабского алфавита, и предъявлен европейским колониальным властям в качестве генеалогической грамоты, свидетельствующей о высоком социальном положении некоторых групп суахилийского общества. Однако английские и немецкие колониальные власти предпочли в своей колониальной политике опираться не на собственно суахилийские высшие слои, а на занзибарского султана, его чиновников, и вообще — на потомков переселенцев из Омана, последователей султана Сабыда, захватившего суахилийское побережье после совместного арабо-суахилийского изгнания португальцев с захваченных теми берегов Индийского океана. Английскими и немецкими колониальными чиновниками эти правовые суахилийские документы (в т. ч. и «Хроника Пате») были переданы ученым в качестве материалов по суахилийской истории (вследствие чего наиболее крупные рукописи и получили не совсем правильное название «хроник»), к чему были присоединены и сведения устной суахилийской традиции. Европейских специалистов все эти материалы привлекли тем, что в них фиксировались своеобразные легенды «о происхождении» высших слоев суахилийского общества и правителей суахилийских городов от легендарных и исторических персон мусульманского мира. Это документировано подтверждало, с одной стороны — антинаучный колониальный «тезис» о неспособности негроидов к самостоятельному историческому развитию; с другой — оправдывало колониальные захваты некоторой «исторической цепочкой»: сначала-де Берегом (подразумевалось — Восточной Африкой) владели средневековые арабы и персы, затем — ибадиты из Омана (время Занзибарского султаната), в промежутке — слабая европейская страна Португалия, а после всего этого — англичане и немцы. Никто из исследователей не обращал, или не хотел обратить, внимания на то, что аналогичные легенды встречаются не только в суахилийской традиции, что в определенный исторический период они свойственны чуть ли не каждому народу.

Историографическая ценность (в смысле событийной политической истории) суахилийских материалов чрезвычайно мала, но они оказались источником сведений по этносоциальной истории, который трудно переоценить. Так, в суахи-

лийских хрониках была обнаружена архаическая норма наследования в суахилийских торговых городах титула *мфальме* (правителя или военного вождя) не от отца к сыну, а от брата к брату (трем братьями, и далее — к трем их потомкам). Европейские издатели, переводчики и исследователи не поняли этого правила из-за того, что сочли норму права фиксированной в арабской структуре имен генеалогии (имярек сын имяреков и т. д.), а также и вследствие «прямого» перевода суахилийского термина родства *ндугу* словом «брат» (в смысле: кровный родственник, сын того же отца). Так получилось, что «право братьев-*ндугу*» рассматривалось как борьба за престол между сыновьями-наследниками и их кузенами, как борьба за власть между несколькими родственными линейными родами. Между тем суахилийский термин *ндугу* из классификационной системы родства, в которой каждый термин имел групповое значение, обозначал мужчин и женщин, потомков мужчин-*ндугу* и их жен, также — *ндугу*, когда отцы отцов были тоже *ндугу* (как и матери отцов), а матери матерей и отцы матерей — соответственно, составляли свои группы *ндугу*, и так до бесконечности в более старших поколениях. «Прямой» перевод суахилийских групповых терминов родства на европейские языки (т. е. в описательную систему с ее индивидуальным значением каждого термина и с кровно-физиологическим принципом происхождения индивида от двух других индивидов) превращал суахилийскую классификационную систему в явную бессмысленность: получалось, что весь этнос состоял из кровных родственников, поделенных только на поколения. Но поскольку любая система деления общества должна градуировать его на те или иные группы в соответствии с какой-либо реальной однозначностью членов групп, то деление на поколения не выдерживали критики. Даже элементарно: потомки одной пары родителей, составляющие свое поколение, по возрасту, а, следовательно, и по физическим возможностям в труде, могли быть от года и до 30 лет. Такой диапазон возраста не мог лежать в основе градуирующей общество единицы. Правовое равенство (или социальная однозначность) кровных ближайших родственников — членов одного поколения годилось только для равного раздела наследства, составлявшего крупное состояние, когда и грудной наследник, получив свою долю, не трудясь, сохранял свое «положение» под надзором опекуна. Получалось, что принцип кровного индивидуального происхождения годился только для классового развитого общества, а точнее — для правовой организации его имущих слоев. Уже родство *ндугу*, если термин рассматривать как знак принадлежности к поколению, групповой термин, означающий социальное равенство всех, к кому он относится (а иначе — зачем один термин?), ясно показывает социальную нелепость такого родства, когда равными оказываются не только люди разного возраста, но и разной степени кровнородственной близости (родные, двоюродные, троюродные и т. д.) в пределах всего этноса. А если

учесть, что такая же картина наблюдается в любом поколении, бессмысленность кровного принципа станет очевидной для общества с классификационной системой терминов родства.

И, тем не менее, классификационные термины родства вполне сочетались с принципом кровного происхождения в ограниченной тремя мужскими персонами (в одном поколении) системе права наследования титула *мфальме*. Иными словами, здесь сочеталась терминология обширного плана (несомненно, имевшая параллельно свой принцип деления на какие-то реально осмысленные «сегменты», но не кровное происхождение) с ограниченным тремя персонами кровным, включавшим на равных правах (*ндугу*) родных и двоюродных братьев. Это не было правом линейного генеалогического рода, поскольку оно не распространялось на четвертого, пятого, шестого и прочих братьев-*ндугу*, как не включало и права наследования старшим сыном. Возникало предположение, что — либо весь суахилийский этнос состоял из множества трехсегментных полноправных социальных структур, а другую его часть составляли неполноправные, либо таким образом из этноса (с какой-то иной структурой социального деления) выделялись социально высокие персоны.

Для первого предположения не находилось подтверждения в хозяйственной жизни этноса, так как главное средство производства, земля, не делилось и не наследовалось, не продавалось и не отчуждалось иным образом. Оставалось второе предположение — такова была норма ограничения и наследования сана и титула военного вождя-*мфальме* (*му-фаалуме* — «избранный из мужчин» или «избранный мужчинами»). Сам же реальный суахилийский этнос делился на множество кровно замкнутых хозяйственных коллективов-*фунгу* («связка-кольцо») с традиционным правом на неделимую и неотчуждаемую территорию жизнеобеспечения (эти *фунгу* чаще именовались арабским словом *кабия*, неправильно переводимым словом «племя»), коллективов с самой различной численностью. Жена и муж должны были принадлежать к одной *фунгу*, идеальным браком считался брак мужчины и дочери его дяди по матери, браки лиц из разных *фунгу* допускались только в случае крайней необходимости, когда *фунгу* оказывалась на грани вымирания. Но *фунгу* не делились на экзогамные линейные роды, в пределах ограниченного коллектива функционировала классификационная система терминов родства, объединявшая весь коллектив в кровнородственную единицу. Можно сказать и иначе: система терминов родства с групповым значением каждого термина в пределах *фунгу*, коллектива ограниченного, как бы «смазывала» в нем физиологически родственные связи, растворяя близких кровных родственников в общем родстве замкнутой *фунгу*.

Иначе все обстояло в торговых городах суахилийского берега. Там также в ходу были групповые термины родства, но реальность была иной. Не

родство определяло социальное положение индивида, а его имущественное состояние, так же определялся и выбор жены. Имущество наследовалось детьми (иногда, видимо, поровну, иногда — в убывающей по возрасту шкале, с преимуществом сыновей — после отца, а дочерей после матери, небольшая часть раздаривалась менее близким родственникам), владеть имуществом могли и мужчины, и женщины.

Все это никак не вязалось с принятыми в теоретической этнографии положениями. Прежде всего, речь идет о полном отсутствии экзогамного линейного генеалогического рода, с одной стороны, и наличии трехступенчатого права братьев-*ндугу*, своеобразного кровнородственного коллектива, выделяемого обществом для наследования сана военного вождя-*мфальме*, с другой стороны. Эти обстоятельства создавали ряд вопросов: а) свойственно ли такое положение только суахилийскому этносу?; б) нет ли в других этносах хотя бы следов «права трех братьев»?; в) где стадийно располагается кровный экзогамный линейный род — до нормы «трех братьев» или после?; г) «если после, — что было до того?», точнее, какую группу людей мог равнозначно и равноценно для жизни доклассового коллектива объединять один (каждый) термин родства классификационной системы, подобной суахилийской?

На все эти вопросы ни в «Хронике Пате», ни в других суахилийских материалах ответов не было. Из текста «Хроники» следовало только то, что право на титул *мфальме* передавалось по трем братьям-*ндугу* (в условиях узкого династийного коллектива — братьям родным и двоюродным, в нашем понимании), которые получали его по старшинству; что последний из трех передавал титул не своему сыну, а старшему из их сыновей, независимо от того, чьим физиологическим потомком тот был; и что титул передавался после смерти предшественника. Иначе говоря, термин *ндугу* выравнивал права братьев, возраст (или порядок рождения), определял очередность, а арабская форма имен (с указанием имени физиологического отца, как счастливая случайность — по суахилийской терминологии все они именовались бы одним общим термином *баба*) открывала возможность установить, что династийный коллектив был кровнородственным, но не линейным экзогамным кровным родом. Кроме этого, было ясно, что «основатель династии» получил титул при жизни предшественника вследствие женитьбы на его дочери (всеми, кто был знаком с «Хроникой Пате», последнее комментировалось на основании «здравого смысла», т. е. как следствие отсутствия мужских потомков у этого предшественника). Таким образом, возникла необходимость искать ответы на возникшие вопросы в других, не только африканских, материалах, и не только в близких к «Хронике Пате» по времени.

Со временем необходимые ответы нашлись. Следы «права трех братьев» обнаружались во множестве — и в самой Африке, и далеко за ее предела-

ми, в близкие к «Хронике Пате» времена и во времена весьма отдаленные, в текстах самого различного характера и назначения. В большинстве случаев чувствовалось и то, что как бы объединяло эти столь разрозненные фрагменты: право братьев, видимо, было связано со стадийным состоянием общества, с периодом намечающегося перехода от доклассовой структуры к раннеклассовой, с временами, как правило, противоречивыми и кровавыми. Ясно стало также, что право братьев (во всяком случае, в династических обстоятельствах, связанных с титулами, дающими право на власть), так или иначе, сменялось нормой майората, т. е., по сути своей, нормой мужского генеалогического линейного экзогамного рода, где «прямая линия» передает высшее социальное и материальное положение в этом кровнородственном правовом организме, наследуемое от отца к сыну (к физиологическому потомку). Правовые нормы майората (мужского генеалогического экзогамного рода) качественно отличались от норм права братьев тем, что право главенства из группового превратилось в индивидуальное, и тем, что родственный коллектив стал строго линейным, т. е., наряду с главной линией (вертикаль майоров), образовались равнозначные между собой второстепенные в правовом отношении линии родных братьев майора, третьестепенные линии их кузенов, и т. д. По своему юридическому существу кровный генеалогический линейный род был «инструментом», призванным сохранять внутри кровнородственной группы индивидов все то имущество, которым владел каждый, которое дополнительно приобретал каждый, что считалось «родовой собственностью», т. е. такими ценностями, на которые не в праве претендовать не-член этого рода. Естественно, что кровный род как правовой организм мог появиться только одновременно с имущественным расслоением общества, с появлением собственности, отчужденных от общенационального достояния (или, иными словами — с разрушением этнических единств архаического доклассового общества). Этот вывод был очень важным — он показывал, что до права трех братьев-*ндугу* (совмещавшем в себе и кровное право особых индивидов, и их групповое право) должна была существовать система общественно-правового деления, в которой оставалось бы только групповое право.

Мелких фрагментов такой системы нашлось довольно много, но в ее реконструкции решающую роль сыграли записи эфиопского монаха конца XVI века Бахрея о структуре общественного деления галла (оромо) его времени. Эта структура была совершенно безразлична к принципу кровного (физиологического) происхождения членов элементарной социальной единицы — возрастной группы. Каждая очередная группа набиралась из детей (независимо от того, кто был их физическим породителем) в течение 8 лет, после чего они вступали в социально-активную фазу жизни. Каждые следующие 8 лет группа переходила в следующий возрастной статус, налагавший соответствующие этому возрасту обязанности и права. Так

группа проходила пять возрастных статусов по 8 лет каждый (всего 40 лет) и выходила из социально-активной фазы, вводя вместо себя в активную фазу группу своих «детей». Так замыкался круг каждого человека (в составе его возрастной группы) в социальной жизни общества галла — общества, несомненно, доклассового. В любой отрезок времени любой локальный коллектив средневековых галла состоял из пяти возрастных социально-активных сегментов-групп, которые каждые 8 лет меняли свое социальное состояние, как бы двигаясь по пятиступенчатой лестнице социальных возрастов (т. е. прав и обязанностей). Естественной была мысль, что если группа «уходящих» во внесоциальное состояние считалась обществом группой «отцов» по отношению к группе «входящих» (т. е. к группе «сыновей»), то и все остальные группы между собой связывали некие термины «родства» (других, кроме названных, Бахрей не приводит), термины также групповые. То, что это не могли быть термины кровного родства, отчетливо явствует из возрастного диапазона между «отцами» и «сыновьями» — 40 лет. Из этого рождался вывод, что возрастная группа галла — реальная модель физического «наполнения» понятия «групповой термин родства» классификационной системы родственной терминологии, модель, лишенная всех тех нелепостей, которые присущи классификационной системе, если ее терминам придавать кровно-физиологическое значение.

Разумеется, в других неразрушенных доклассовых обществах с полностью действующими классификационными системами родственной терминологии могли быть другие временные отрезки возрастных статусов, но ни логически (т. е. исходя из средней продолжительности активной жизнедеятельности человека), ни в том, что нашлось во фрагментах других материалов, цифровые данные не отходили далеко от зафиксированных Бахреем. Однако, главное заключалось не в этом. Важно было другое — то, что вытекало со всей очевидностью: в доклассовом обществе фигурировал не принцип кровного индивидуального происхождения, а принцип естественно подвижного возрастного деления коллективов на группы полностью, без натяжек, соответствовал всем жизненным потребностям доклассового общества, сохраняя традицию накопленных знаний и умений, давая возможность каждому индивиду постепенно освоить эту традицию, распределяя обязанности и права индивида в соответствии с изменением его физических и умственных возможностей, не ставя никакой персоны выше или ниже его социальных сверстников, строго отделяя активную фазу жизни от детства и старости.

Более развитая форма возрастной организации общественной жизни «отслоила» от себя особый трехступенчатый кровный коллектив «священных персон», по нормам которого «наследовалась» власть военного вождя раннеклассового общества. Эта норма и была обнаружена в тексте первой части «Хроники Пате». Разрыв между двумя частями Хроники относится

к тому времени, когда на Индийском океане появились португальцы. Закрепившись сначала в Малинди, а затем в Момбасе, они начали последовательно захватывать остальные суахилийские города. Несмотря на сопротивление, это удавалось им сравнительно легко благодаря поддержке корабельной артиллерии — почти все города либо находились на самом берегу, либо на маленьких прилежащих островах. Но город Пате был расположен в глубине довольно большого острова, вне досягаемости корабельных пушек португальцев, и очень долго сопротивлялся захвату. Попытки португальцев прорыть канал и подвести корабли ближе к городу, как и использовать корабельные пушки (имевшие тяжелые лафеты на маленьких колесах) на суше, не имели успеха из-за густых мангровых зарослей, окружавших остров. Война шла с переменными результатами, прерывалась мирными договорами, которые нарушались португальцами.

Особенно успешно сопротивлялся португальцам *мфальме* Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари. Жил он долго, и третий член его колена (третий брат-*ндугу*), его родной брат — Бакари бин-Бвана Бакари, за это время успел умереть. По норме «права трех братьев», ему должны были наследовать (поочередно) его сын Бвана Бакари и два сына умершего Бакари бин-Бвана Бакари: Бвана Мкуу и Ахмад. «Хроника» упоминает и четвертого, внеправового брата-*ндугу* (третьего сына Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари). Повидимому, Ахмад бин-Бакари, будучи третьим наследником, почти не надеялся стать *мфальме* (т. е. мог умереть раньше предшественника, как его отец) и поддался на провокацию со стороны португальцев. Незадолго до смерти Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари они хитростью пленили старшего брата Ахмада, Бвана Мкуу бин-Бакари, и увезли его в Гоа. Затем они договорили Ахмада убить первого наследника, т. е. Бвана Мкуу бин-Бвана Мкуу. Ахмад на всякий случай убил его младшего брата (четвертого *ндугу* — внеправового), и португальцы сделали правителем Пате своего ставленника Ахмада бин-Бакари.

Но тут вскрылась правовая роль женщин — жен *мфальме* в системе права трех братьев (и проявился целый ряд других деталей права). Оказалось, что в сан *мфальме* вводит особый брачный ритуал, т. е. вводит его жена-*ндугу*, женщина, которая, по норме права на брак и по совершеннолетию, должна быть из следующего по социальному возрасту младшего статуса. Далее, в конкретных условиях исламизированного суахилийского средневекового общества, независимо от того, какая по счету (по мусульманским обычаям) жена, и каков реальный возраст мужа, особый архаический брачный ритуал не только вводил очередного наследника в титул *мфальме*, но и переводил его в социальный возраст 24 года, т. е. в третий возрастной статус мужчин по пятиступенчатой архаической системе (или в старший сегмент младшего колена нормы трех братьев). Кроме этого выяснилось, что наследник не мог занять пост, если предшественник был

жив, но находился где-то вдалеке, поскольку не мог пройти особый бракоритуал с его женой из-за полного запрета брака с женщиной своего возрастного статуса. Не мог он вступить в должность и в случае ранней гибели *мфальме* по той же причине, ибо соблюдался обычаем реальный возраст ритуальной жены — 16 лет, и она, оказавшись молодой вдовой, сохраняла за собой право «инициации» *мфальме*, хотя сама (в суахилийской форме развития «права братьев») не могла стать женщиной-правительницей (т. е. военным «вождем» *мфальме*). В социальном смысле временно (до смерти «исчезнувшего» *мфальме* или до следующего возрастного статуса его вдовы) пост передавался «заместителю», т. е. *ндугу* на статус моложе наследника, передавался в повторном брачном ритуале вдовы.

Бвана Мкуу, содержавшийся пленником в Гоа, был средним *ндугу* в триаде наследников, Ахмад — третьим, в том же статусе, в котором была и ритуальная жена пленника — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу. Когда, согласно архаическому обычаю, она совершила повторный брачный ритуал со своим малолетним сыном Бвана Таму бин-Бвана Мкуу, и сделала его таким образом «заместителем» плененного отца, узурпатор Ахмад сам отказался от титула *мфальме*. Но он стал *мфальме* после смерти в Гоа Бвана Мкуу бин-Бакари. «Заместитель» отца Бвана Таму правил после смерти Ахмада, жил долго, активно участвовал в изгнании португальцев, а после воевал с бывшими союзниками, арабами из Маската, которые не хотели уходить с суахилийского побережья. Младший его *ндугу*, Бвана Гонго сын Ахмада, погиб в борьбе с португальцами. Хроника сообщает, что Бвана Таму имел многих сыновей, но никто из них не правил. Фраза звучит так, что можно предположить зависимость этого обстоятельства от его брака-ритуала с матерью, т. е. что все его сыновья от реальной жены (или жен) оказались вне права.

На этом кончается первая часть «Хроники Пате». Связующим звеном между нею и второй частью оказывается невразумительная фраза о том: «... что в Пате стало два правителя», перед которой было несколько несвязных и неясных сообщений, откуда появился некий Умари, против которого выступила Мвана Хадиджа, названная вышеупомянутой (*аль-мазкура*), но о ней раньше ничего не говорилось. Об этих двух персонах можно строить только догадки. Наиболее вероятным может быть предположение, что Мвана Хадиджа — это дочь жены Бвана Гонго. В таком случае, оставшись единственной представительницей правившего (трехствольной кровного) рода Ан-Набхани, по архаической суахилийской традиции (зафиксированной в других документах), она в социальном смысле становилась «мужчиной», а ее муж, необходимый для продолжения рода, человек из другой социальной страги, считался ее «женой», но ни он, ни она не могли носить титула правителя (или, возможно, как бы носили оба, как можно понять фразу: «и стало в Пате два правителя — Султани Умари и Мвана Хадиджа Вышеупомянутая»).

Дальше начинается вторая часть «Хроники Пате», документ поистине уникальный. Внешне все обстоит просто: правят два рода попеременно, через одного правителя. Но в действительности структура очень сложна и своеобразна. Оба рода искусственно и довольно неуклюже возведены происхождением к двум именам первой части Хроники. Это, по отношению к письменному документу, через «письма», не может считаться подделкою, как сочли бы теперь, но интерес не в этом. Где-то в разрыве между двумя частями Хроники теряется *мфальме* по имени Шех (возможно — сын Мвана Хадиджи и Умари), ибо имя первого в новом списке — Бвана Мкуу бин-Шех (первый в первом стволе). Он передает титул Бвана Фуму-Мади (первому во втором стволе). Бвана Фуму Мади передает титул *мфальме* младшему брату Бвана Мкуу — Ахмаду бин-Шех. От Ахмада он переходит к старшему сыну Бвана Фуму Мади, к Фуму Люти Кипунга, от которого — к старшему сыну Ахмада по имени Бвана Фуму Люти. Бвана Фуму Люти передает титул младшему сыну Бвана Фуму Мади, который назван Бвана Шех. После Бвана Шеха *мфальме* становится Бвана Вазири, младший сын Ахмада. На этом имени список кончается, женских имен в списке второй части Хроники нет. Картина в высшей степени любопытная — здесь, по норме права братьев-*ндугу*, правом на титул *мфальме* обладает уже не трехступенчатый (трехствольный) кровнородственный династийный организм, а таковой же, но двухступенчатый. «Право трех братьев-*ндугу*» превратилось в «право двух братьев-*ндугу*». По линиям физиологического родства, т. е. по стволам — наследуют также два брата, но старший наследник отца не имеет потомства (правовых сыновей), а младший наследник того же отца имеет двух правовых сыновей, из которых старший не имеет наследников и т. д., в каждом стволе. Это сложное обстоятельство мешает квалифицировать каждую правовую (по отцам) линию (ствол) как мужской линейный генеалогический род, но позволяет видеть в каждой из двух линий последний момент существования права братьев в редкой, довольно устойчивой (8 имен правителей) форме. С позиции каждой линии можно усмотреть и своеобразную триаду — между двумя сыновьями одного отца располагается представитель (их средний *ндугу*) противоположной линии, и при этом обязательно младший сын своего отца, имеющий право на потомков. Любопытно то, что старший из двух братьев не имеет права на потомков. Любопытно то, что стабильность права двух *ндугу* обеспечивалась родством *ндугу* их матерей в обеих линиях, но о них в тексте нет ни слова, и возникает масса вопросов.

Следы различных форм правления двух братьев встречаются в самых разных по времени, месту и характеру материалах, но большею частью они касаются вражды двух групп их сторонников, т. е. в стадийном смысле относятся к процессу распада двухствольного (и даже трехствольного) кровного правового организма на отдельные линейные генеалогические

имущие рода. Об устойчивых двухступенчатых системах права сохранились либо мельчайшие фрагменты, либо фантастические сведения. Но некоторое вариации все же кое-что способны пояснить, и кое-что можно предположить на основании сведений о «борьбе двух родов» за первенство.

Сведения же об исчезновении третьей линии весьма скудны: в античной традиции — это линия Ганимеда из триады: Ил, Ассарак, Ганимед (в Илиаде), она обрывается после того, как Ганимед был взят за свою красоту на Олимп Зевсом в виночерпии (остались ко времени осады Илиона только линия Ил, Лаомедон, Приам, Гектор и другая — Ассарак, Капис, Анхиз, Эней); в индийской традиции — это линия Триты, брошенного двумя старшими братьями (Экатой и Двитой) в водоем; в древнееврейской — это Иосиф Прекрасный, проданный братьями в рабство; в рунической традиции северной европы — это Эрп, младший сын Гудрун, неизвестно за что убитый братьями (Хамдиром и Серли), когда они отправились мстить Ермунреку за смерть своей сестры Сванхильд.

На этом фоне изменение в суахилийской традиции выглядит и более сложным, и непонятным. Неясно, какая из линий (по статусу старшинства) оборвалась и в чем была причина. Скорее всего — это была линия Бвану Таму (который был в ритуальном браке с матерью, когда замещал плененного отца), и он был старшим в своем колене, что гармонирует с отсутствием наследников у старших братьев двухствольной системы. То, что в колене Бвана Таму было только двое *ндугу* (он и Бвана Гонго) не могло само по себе разрушить трехступенчатый принцип (бывало и по одной персоне, получающей титул, если две других умирали). Нужно было что-то особое, вроде потери Бваной Таму права иметь правовых потомков. Есть и еще одно соображение — при переходе к двум линиям мог неожиданно возникнуть брачный запрет. Так, например, в трехступенчатой системе (в ранний период, когда титул давался на один статусный срок, 8 лет, и передавался при жизни предшественника) первый *ндугу* триады вступал в брак с младшей сестрой, второй — со своей младшей сестрой, а третий — со старшей женщиной младшего колена, т. е. с дочерью, практически с дочерью старшего *ндугу*. Усиление значимости физиологического родства в какой-то момент создавало запрет брака мужчины старшего колена (колена отцов) с женщиной младшего колена (колена детей), но это компенсировалось поиском жены для брачного ритуала в чужой «династии», и если могло оборвать, то только линию младшего *ндугу*. Однако, никакая традиция не может быть резко изменена, намеренно или случайно, всегда в обществе найдутся и сторонники прошлого, и способы вернуть его. Тем не менее если по какой-то причине обрывается в трехсегментной системе одна (не существенно, какая по порядку) линия, то под воздействием традиции старший член младшего колена системы новой, двухсегментной, может рассматриваться в то же время и как третий член старой системы, т. е. и как

«сын», и как «брат» одновременно. Такая ситуация может лишить его права на брак в глазах сторонников старого. Как «третий», он должен жениться на старшей «дочери», но как «первый», он оказывается с ней в одном статусе, и брак становится недопустимым (не вообще, а тот, от которого остаются правовые потомки). Причина же изменения традиции может быть только одна — все более и более увеличивающееся значение прямого кровного (физиологического) происхождения, постепенно оттесняющего все то, что восходило к архаической системе возрастных групп. Главным препятствием в развитии этого направления был брак-ритуал с женщиной из этой же ступенчатой кровнородственной системы. Первым появился запрет брака с «дочерью», позже — с «сестрой». Труднее всего было преодолеть необходимость передавать титул брату или сыну брата. Как пример можно представить развитие суахилийской схемы следующим образом (см. рис. 37).

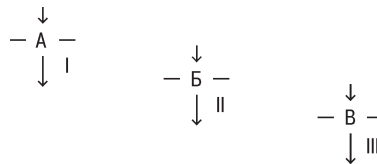

Рис. 37

Запрет брака с «дочерью», «В» — обрывает свою линию, остаются «А», «Б». Имя «А» — неизвестно, имя «Б» — можно восстановить — Шех (см. рис. 38).

Получилась сложная вещь — правовая «диада», как бы составленная из взаимопроникающих триад — между двумя братьями располагается брат-дугу из другого ствола (из другой линии — по отцу). На схеме видно, что старший сын Шеха соответствует «В» в традиционной триаде (тому, кто потерял право на брак-ритуал), но право на титул он сохранил, т. е. ритуальный брак перестал вводить наследника в сан *мфальме*, право женщины-дугу перестало действовать. Но возникло другое правило, — старший сын *мфальме* не имеет наследников. Естественно, возник вопрос: Нет ли в иных, не-суахилийских традициях, следов каких-либо осложнений в правовых обстоятельствах у старших сыновей правителей (древних «царей» и т. п.)?

Разумеется, я не надеялся найти прямой параллели к суахилийским обстоятельствам, достаточно было бы каких-то «недоразумений», т. е. того, во что могла длительная литературная традиция превратить уже непонятные сведения. Так, например, в индийской традиции есть легенда о том, что старший из двух сыновей царя Нахуши добровольно ушел в аскеты, отказавшись от права наследника. Яати, младший (второй) сын Нахуши, также имел двух сыновей: Пуру и Яду, но кто из них был старший, понять трудно.

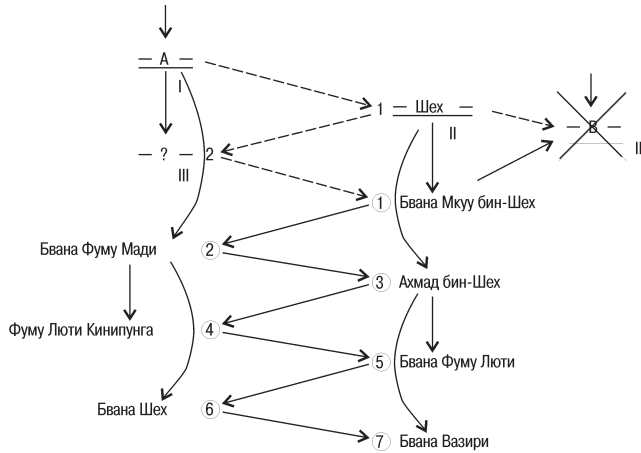

Рис. 38

Имеется также легенда о том, что Яяти упросил богов поменять его старость и молодость его сына местами. Это может иметь основой разные вещи. Может обозначать «социальный прием» продления статусного пребывания в сане «царя» (т. е. при двухступенчатой системе — третий ритуальный брак, брак с невестой старшего сына; при трехступенчатой — четвертый брак, в любом случае, это брак со 2-ой дочерью) за пределы статусного времени его «колена». Соответствующий этому социальному приему пересчет возраста «царя» будет таким: $24 \leftarrow 24 \leftarrow 24 \leftarrow 24$ (реальный: $24 \rightarrow 32 \rightarrow 40 \rightarrow 48$), в это же время и социальный, и реальный возраст старшего сына будет 32 года. Может быть, эта легенда в такой странной на современный взгляд форме просто излагает сам обычай при повторном бракеритуале «возвращать» социальный возраст «царя» к 24 годам. Выискивать в старинных текстах имена и родственные связи вообще очень трудно, а в литературных особенно, а здесь еще и такая неясность: похоже, что на именах Пуру и Яду генеалогическая линия обрывается. Она идет (после мифологических имен Солнечной и Лунной династий) от Пуруравы, самого древнего предка главных героев Махабхараты, через Айю, Нахушу, Яяти к братьям Пуру и Яду, но непонятно, откуда берется Душьянта — отец Бхараты, если последний приходится Яяти правнуком. За Бхаратой по линии следуют: Куру, Шантану и два сына Шантану: Бхишма и Виштравирия. Старший Бхишма, неизвестно почему, потомства не оставляет. Колено Бхишмы и Виштравирии, на основании имен и родственных отношении их «детей» и «внуков», т. е. колена основных участников великой битвы Бхаратов, может быть восстановлено до пяти сегментов (+Васудэва, Камса и Мадра). Виштравирия приписывают трех сыновей: Дхритариштру,

Панду и Видуру (он же — Кришна), а до пяти в колено прибавлены двое Ашвин (в греческой традиции — диоскуры). Но главных линий по-прежнему две: линия Дхритариштры и линия Панду, т. е. Дурьюдхана, сын Дхритариштры и Юдхитрхира, сын Панду (в колоне есть еще два сына Панду, Арджуна (он же — Кришна) и Бхима (пятый Накула — сын Мадри, дочери Мадра от Ашвин). Все еще осложняется еще и тем, что сыновья Панду — не его сыновья, а различных богов.

Совершенно очевидно, что во всем этом обилии имен в трех коленах кроется целый ряд архаических правовых мнемоник от разных уровней развития архаических норм права братьев, привлеченных, видимо, для создания большей полноты правовых притязаний спорящих сторон. Спорят о праве на власть Куравь, т. е. линия, идущая от Куру (через Шантану, его второго сына — Виштравирию, и к старшему сану этого же Виштравирии — Дхритариштре, и далее к сыну после него, к Дурьюдхане) с Пуравами, т. е. с линией возводимой к Пуру, старшему сыну Яяти. Таким образом, в последнем колоне (внешне пятиступенчатом) выделяется следующая картина: Дурьюдхана, сын Дхритариштры (старшего сына Виштравирии) — представитель линии, утратившей право на власть, но он борется за возврат права с сыном Панду (второго сына Виштравирии) — с Юдхитрхира (на стороне которого еще три брата: Арджуна, Бхима и Накула), но по тексту чувствуется и другое: еще одна пара, Арджуна и Бхима, которые не враждуют, а как бы разделены другим образом: старший, Арджуна, не столько воин, сколько религиозный философ, Бхима же — воин.

Клубок получается необыкновенно сложный: с одной стороны, — распад двухступенчатой системы на два линейных генеалогических рода с самостоятельными правами на власть (над одной территорией, откуда и война между братьями); с другой стороны, — стремление возвысить духовную (религиозную) власть над властью политической (военной); а с третьей стороны — построение многоступенчатой (архаической) схемы из параллельных двухступенчатых схем. Есть тут и попытка возвести все последнее колено прямо к богам, только вместо Дурьюдханы на первое место в схеме пяти ступеней поставлен Карну — добрачный сын Кунти, жены Панду (из-за рождения которого Сурия — Солнца, она как бы вносится в тот же возрастной статус, что и ее муж Панду — отсюда и запрет Панду и Кунти на физический брак). Остальные дети Кунти — от Ямы, Индры, Ваю и Ашвинов. Кроме этого, вся извлекаемая генеалогия основных героев битвы Бхаратов, выглядит составленной из нескольких самостоятельных: от Пуруравы до Нахуши, от Надуши до Пуруот Бхараты до Бхармы, и от Виштравирии до Дурьюдханы и Юдхитрхиры.

Это характерно не только для скелетной основы (составленной из архаических социальных мнемоник) Махабхараты, такой же прием есть, например, в Хельмскрингле (Саги о норвежских конунгах), частично — в Или-

аде, а возможно, и в Повести временных лет. Можно предположить, что при составлении таких обширных текстов действовал некоторый фактор, связанный с дискретно-дефинитным характером человеческой речи и письма. Ряд конкретных дефиниций (т. е. законченных повествований) об одном имени можно изложить только последовательным рядом, но для иных надобностей (много позже) можно снабдить этот ряд вертикалью времен, создав впечатление взаимного происхождения одного повествования (в данном случае — мнемоники от другого и т. д.). По своему существу, такие социально-правовые мнемоники, будучи крайне сжатыми, могут состоять либо из двух колен имен, либо из двух колен, возводимых к условному одному предку (который иногда возвращался к еще более далекому и более условному), т. е. могут занимать из социального времени не более ста лет (для пятисегментной системы 40+40; для трехсегментной 24+24; для двухсегментной 12+12 и 12+12, с прибавлением 40 или 24 лет на условного предка). Но для ряда параллельных мнемоник, выстроенных в «генеалогическую вертикаль», этот расчет лет вырастает в «хронологию», а хронология — это древность происхождения, основа извечности права. Так, например, если сосчитать сумму времени всех колен генеалогии Бхаратов, то получится 480 лет от «начала» до великой битвы, но если считать от Виштравирии, как от общего предка, то только 72 года (и столько же придется на каждую из остальных параллельных мнемоник).

Кроме этого, одна из таких мнемоник выпала (или почти выпала) из «генеалогии» — это мнемоника Рама и Бхараты, она послужила основой для самостоятельного эпического произведения. Мнемоника эта, можно сказать, элементарная, она состоит из четырех имен последовательно рожденных братьев (Рама, Бхарата, Лакшмана и Шатругхна) от одного отца — царя Дашарадхи (условного их предка, ибо их родили три его жены, выпив волшебный напиток: Каушалья — Раму, Каикейя — Бхарату, Сумитра — Лакшману и Шатругхну). По внешней форме — это очень древняя мнемоника, четырехступенчатая, но, возможно, что так записаны sdвоенные двухступенчатые схемы. В известной мере это подтверждается попарной дружбой братьев: Рама и Лакшмана, Бхарата и Шатругхна (первый и третий, второй и четвертый). Старшее колено, из которого особо выделен Дашаратха, можно реконструировать: отец Ситы, Джанака; брат Каикейи, Авапати; отец Мандивьи и Шритакирти, Кушадхваджа. Жены братьев также «сопряжены» попарно: Сита и Урмила — дочери Джанаки, Мандивья и Шритакирти — Кушадкваджи. Если предположение о sdвоенности двухступенчатых схем верно, то становится понятно, почему у царя Дашаратхи не было детей — он был старший в своей диаде. По той же причине и Ашвапати изображен бездетным, как первый в своей диаде. Получается, что и Рама не сын Дашаратхи, он старший сын Жданаки (старший родной брат своей жены — Ситы). Как старший в первой диаде сыновей, он не имеет

права на потомство (по поздней традиции, у него два сына от Ситы), а возможно, и на наследование царского титула (объяснение его отстранения кознями матери Бхараты, Каикейи — очень позднее прибавление). Естественно, что и Лакшмана не имеет права на потомство. Кроме этого, он не сын Дашаратхи, он старший сын Кушадхваджи, и, как и Рама, женат на родной младшей сестре, дочери того же Кушадхваджи, независимо от того, как это фиксирует письменная индийская традиция (т. е. авторы Рамаяны) — иначе пропадет логика браков первой диады. По-видимому, как и в суахилийской традиции второй части «Хроники Пате», ни Рама, ни Лакшмана не теряли права на титул, но и из-за того, что их ритуальные жены оказывались (в двухлинейном династийном кровнородственном организме) их родными сестрами, теряли право на потомство. В то же время женами младших братьев были их двоюродные сестры, что и сохраняло право за их потомками, но только за вторыми сыновьями, и т. д. По-видимому, и здесь титул царя передавался от одной линии к другой через человека, либо на 8 лет (24 года статусного времени колена трехступенчатой, более древней системы, т. е. двум родным братьям и одному, между ними — двоюродному), либо на 12 лет (исходя из деления статусного времени между двумя линиями двухступенчатой системы). Не менее вероятно и то, что старшие сыновья не вступали в брак со своими кровными сестрами, а имели жен из неродственных династий, и по этой причине их потомки теряли право — ведь архаическими хранителями права были женщины-родственницы, и брачный ритуал с такой женщиной вводил мужчину в сан вождя или священной персоны.

Но запрет вступать в брак с теми сестрами, которые оказывались сестрами и по физиологическому происхождению, несомненно, был ускорителем в процессе превращения остаточных форм «права братьев» в право линейного мужского генеалогического рода. Кроме этого, вследствие междинастийных браков постепенно создавалась более четкая социальная слоистость общества, некоторая кастовость, опиравшаяся на социальную обусловленность выбора невесты, создававшую некие диапазоны и их границы. Иными словами, развитие родства по крови (т. е. физиологического принципа в нормах права) влекло за собой появление и родства по браку, свойства. Разные социальные страты доклассового общества, порожденные последними фазами социально-возрастной структуры, по-видимому, проходили путь к линейному кровному роду в различные отрезки времени, что в целом еще координировалось и временем по абсолютной исторической шкале, а в более близкие к нам времена — и воздействием более развитых обществ. Утверждать можно только, что элементы права братьев дольше всего сохранялись в правовых отношениях самого высокого слоя раннеклассовых обществ. Если пятиступенчатая система социально-возрастного родства доклассового архаического общества была сис-

темой устойчивой, вследствие того, что игнорировала принцип физиологического происхождения членов возрастной группы, уже трехступенчатый кровнородственный социально-правовой организм, из-за индивидуализации «права братьев» в праве «колена», оказался замкнутой и малоустойчивой системой. Что же касается двухступенчатой кровнородственной системы, то принципиально эта система — совершенно неустойчивая и, будучи вызвана все более и более возрастающим правовым значением прямого кровного происхождения индивида, объективно содержала резко противоположные тенденции: с одной стороны, раздела на два кровных линейных (равноправных по отношению к одной и той же социальной ценности) рода, а с другой стороны — сохранения архаической основы права, права именно братьев. Практически это вело, как можно понять по сохранившимся следам, либо к образованию сдвоенной двухступенчатой системы, либо к состоянию ветвящегося кровного рода, где каждый из трех (или двух) полноправных сыновей, в свою очередь (как «родоначальник»), порождал трех или двух наследников. Если в первом случае на какое-то время сохранялся наследственный правовой коллектив, то во втором случае происходил распад правового коллектива и распыление его права на некую социальную и экономическую ценность, которая быстро дробилась и теряла социальный престиж. Сдвоенный двухступенчатый правовой коллектив через два-три поколения, видимо, взрывался изнутри, и, как это видно по некоторым эпическим произведениям, погибал в непримиримой войне двух составлявших его кровнородственных линий. В любом случае, крушение принципа права братьев (что в глубине своей, по сути дела, было разрушением правовой значимости женщин, которые со времен глубокой архаики были хранительницами этого принципа-права) сменялось правовым принципом мужского экзогамного кровного линейного рода с нормой наследования от отца к старшему сыну, при фактическом бесправии остальных сыновей и всех дочерей.

Можно сказать и другими словами: как правовая система, кровный мужской линейный экзогамный организм, именуемый «родом», появился вместе с раннеклассовым общественным делением, но появился не вследствие эволюционного изменения предшествующей архаической системы права братьев, а после разрушения ее, из ее обломков, как условно коллективная форма права частной собственности на часть некогда общезнатического достояния (хозяйственные земельные угодья, скот, общезнатический высокий социальный пост или титул). У той части раннеклассового этноса, которая лишилась некогда принадлежавших ей общезнатических ценностей, не возникали кровнородственные линейные экзогамные правовые коллективы, поскольку для этого не было основы в их экономической реальности, как не было такой основы для возникновения кровного линейного экзогамного рода и в глубокой доклассовой архаике.

Естественно и другое — те общества, которые по каким-либо причинам не могли поделить общезнающее право на обладание экономической основой своего жизнеобеспечения (т. е. не поделили, например, хозяйственные угодья на «родовые земли»), не могут считаться обществами классовыми, как бы ни сложна была структура их социальных связей и отношений и какой бы внеимущественной иерархией они ни обладали. Иногда на территории таких этносов (как, например, у суахили) возникали ограниченные очаги классовой структуры — торговые города. Поверхностный взгляд на эту «комбинацию» — торговый город и окружающий этнос — обычно порождает упрощенное заключение о том, что, — это государство с политическим центром и государственной территорией. Более внимательный подход обнаруживает здесь иную, и достаточно сложную, ситуацию. Общество города и общество окружающего этноса могут оказаться на разных ступенях социального развития, хотя и пользуются почти одним языком и почти одинаковы в антропологическом отношении. Особую трудность в понимании этих сложных обстоятельств составляет положение в этой «комбинации» той социальной персоны, которую обычно (как, например, суахилийского *мфальме*) квалифицируют как правителя (царя). Он является как бы связующим звеном между доклассовым обществом этноса (на чьей территории расположен торговый город) и классовым обществом города. Такая ситуация постепенно складывается вследствие того, что город не может обойтись в своих торговых делах без участия в них какой-то части этноса. Такой частью этноса, естественно, оказывается мужская неженатая молодежь со своими вождями. Кроме того, торговый город (когда бы и где бы это ни происходило) сразу же становится средоточием классовых, имущественных отношений вследствие торговли — основы его экономики, с ее подвижными ценностями и индивидуальным манипулированием ими. Эти ценности индивид мог накапливать или терять, от чего зависело его социальное положение в городе; будучи предназначенны для дальнейших торговых операций, они не расплылись между родственниками владельца, а само родство ограничивалось его элементарной семьей при праве наследования старшим сыном. Иногда индивидуальная собственность ступенчато делилась между всеми потомками умершего, но этого старались избегать, поскольку так разрушалось крупное состояние, и наследники много теряли в социальном отношении. Право единственной наследницы приравнивалось к праву мужчины-наследника. Торговый город не мог существовать без значительной массы бедных, эксплуатируемых горожан. В городе рано появлялись вначале устные, а позже — письменные законы, охраняющие имущественное положение его слоев и фиксирующие наказания за кражу, членовредительство, уклонение от долгов и за нарушение социального порядка.

Но имущие слои города нуждаются не только в формально-правовой, но и в реальной защите своей собственности. Если первоначально этни-

ческие отряды юношей-воинов с их вождями привлекались городом главным образом к охране его торговых путей или для участия в транспортировке грузов, то позже, по мере роста города, эта же воинская сила могла быть использована и для охраны порядка в самом городе. Следствием развития таких взаимоотношений между городом и окружавшим его этносом обычно оказывалось расположение главной резиденции вождя этого воинства или вблизи города, или в самом городе. Так создавалось внешнее впечатление возникновения монархической власти в некотором «государстве». Но вопрос следовало ставить глубже: Откуда были воины, подвластные этому вождю, и куда они девались после того, как оставляли «службу»? Если они приходили из этноса и уходили обратно, чтобы заняться обычным традиционным трудом, даже просто растворялись в городском населении, то рано говорить о правителе (царе, монархе) города и прилегающей территории. Возможно, город и поручал такому вождю творить суд в некоторых случаях, но для окружающего этноса он оставался военным вождем его юношей, которые под его руководством проходили традиционный «практический экзамен» на зрелость. По той форме традиционного права, которая в данный период была принята в данном этносе, происходила и смена одного вождя другим.

Иное дело, если воины уже образовывали некую обособленную группу, которая сохраняла за собой какие-либо привилегии и после окончания «службы», а также и порождала сыновей-воинов. Здесь можно говорить о социальном расслоении этноса, о его превращении в подданных правителя города, и о формировании государства на бывшей этнической территории. Для такого изменения обстоятельств требовалось не только и не столько время, сколько глубокие изменения в экономической основе этноса, такие изменения в хозяйстве, которые давали бы значительный излишний продукт. От предшествующей стадии взаимоотношений города и окружавшего этноса остался бы (и, возможно, надолго) только один след — та или иная форма архаической нормы наследования власти от брата к брату.

В суахильской традиции нет никакого намека на существование воинской касты или сословия, из чего следует, что воины любого *мфальме* суахильского города в массе своей были неженатыми юношами из этнических групп населения прилегающей к городу территории. Это они, возвращаясь к традиционным занятиям, разнесли по ближайшей периферии береговых торговых городов городские говоры, некоторые элементы городской материальной культуры и поверхностный ислам. Но взаимодействие суахильских городов с населением прилегающей территории не изменило ее традиционного хозяйства. Земельные угодья остались общезнаменным достоянием, право собственности распространялось только на культивируемые плодоносящие деревья и на урожай других культур. Изменения в этносоциальной структуре были незначительны: береговой архаический этнос как бы распался на много мелких (округа

вблизи города радиусом в 30–50 км), под влиянием ислама частично исчезли, частично упростились ритуалы возрастной системы организации общественной жизни, но сохранились довольно обширные группировки родственников, регулировавшие свои взаимоотношения системой родственной терминологии с групповым значением каждого термина. В экономическом отношении вне города не было ни бедных, ни богатых родственников. Внегородской суахилийский этнос оставался доклассовым, хотя любой суахилийский торговый город обоснованно можно было бы назвать городом-государством (во всяком случае, так было до появления португальцев на Индийском океане).

В «Хронике Пате» есть еще один момент, касающийся сложности положения *мфальме* во взаимоотношениях города и этноса. Это — разнесенная по всему тексту хронология правлений. Она непрерывна, несмотря на повторы целых отрывков соответствующих имен, т. е. на долю некоторых правителей приходится двойные даты (сбои располагаются на стыке двух ее частей). Это обстоятельство позволяет предположить, что хронология правлений составлена искусственно и добавлена, вероятно, для большей убедительности генеалогического списка как правового документа. Если считаться с этой хронологией, то получается (при трехступенчатом праве братьев-*ндугу*) норма пожизненного пребывания на посту *мфальме* каждого индивида, поскольку вторая дата дается как дата смерти. Нельзя умереть дважды или трижды, и все на деле могло обстоять совершенно иначе — срок правления *мфальме* мог быть ограничен не его смертью, а определенным временем. В таком случае можно сделать некоторый пересчет. Например, на восемь персон второй части «Хроники Пате» падает общее время правления равное 64 годам (1770–1834), т. е. ровно по 8 лет на каждую «усредненную» персону. Это число лет совпадает с 8-летним статусным временем в пятиступенчатой возрастной системе средневековых галла оромо (по Бахрею). Удивительная стройность схемы следования этих восьми правителей заставляет предположить, что фиксированное в «Хронике» различное число лет правления каждого *мфальме* — произвольное добавление составителя текста, а на самом деле они занимали пост согласно архаической традиции — 8 лет, и передавали его следующему *ндугу* при жизни. При этом, несмотря на двухступенчатую структуру схемы, они сохраняли норму времени колена трехступенчатой системы — 24 года (на двух родных братьев и одного двоюродного между ними). Вероятно, деление 24 лет на два статуса по 8 лет могло произойти только в том случае, если бы в двухступенчатой системе остались только представители одного кровного рода, но следов таких обстоятельств пока нигде не найдено. В первой части «Хроники Пате» 13 трехступенчатых колен. Хронология первой части начинается с круглой даты — 600 года от Хиджры (1203 г. н.э.). Таким образом, на 13 колен приходится 50 лет, а на каждое трехстатусное колено по 46,5, т. е. по 15 лет на статус.

Эти цифры совершенно нереальны для трехступенчатой (трехстатусной в одном колене) системы «права братьев-*ндугу*» хотя бы потому, что в таком случае активный возраст индивида «вырос» бы до 90 лет. Представляется, что хронология растянута не менее чем вдвое: 46 (приблизительно) $= 24 \times 2$; $15 = 8 \times 2$. Если это так, то продолжительность правления всех персон первой части «Хроники» = 312 годам, а начало относится не к 1203 г., а к 1458 г. н.э.

Любопытно, что «основатель» династии Селеман бин-Селеман Ан-Набхани, получивший титул *мфальме* при жизни предшественника, согласно хронологии «Хроники», правил за себя и за двух своих братьев-*ндугу* (Али и Асмана), т. е. три статусных времени, — 25 лет, что могло означать 24 (8×3) года и год на церемонии передачи титула и сана преемнику. Из этого может следовать, что к общему времени надо прибавить еще 39 лет, а начало отнести к 1419 г. В какой мере этот пересчет соответствует действительным обстоятельствам, судить трудно, тем более, что в других, не-африканских, материалах встречаются случаи разрушения статусного времени и в трехступенчатом праве братьев. Ведь, как правило, жизнь военного вождя коротка и он часто гибнет в бою, так что его статусное время может быть и не использовано им. С другой стороны, никто не гарантирует ни эпические произведения, ни героические песни, ни даже «Хроники» от ошибочно составленных или намеренно искаженных хронологий и иных хронологических отнесений. Почти всегда записи из эпических сказаний и хроникальных сводов делались много позже того времени, которое соответствовало излагавшимся в них событиям. Так, например, известные ныне записи «Хроники Пате» были составлены в первой четверти XX века как правовые генеалогические документы, долженствующие перед лицом английских и немецких колониальных властей подтвердить высокое положение некоторой части общества суахилийских городов. Первая же часть, возможно, была записана раньше, около 1730 г. для такой же надобности в связи с португальским захватом побережья.

Если бы записи были составлены, предположим, когда-то до начала нашего летоисчисления, и сохранились бы до настоящего времени, возможно, они изрядно обросли бы литературными украшениями и воспринимались бы сейчас как героический эпос. Но такие эпизоды реальной истории, как элементарный традиционный поступок Мваны Дарини, совершившей брачный ритуал со своими малолетним сыном Бвана Таму; самонизложение вследствие этого узурпатора Ахмада (а также и из-за того, что запоздали муссонные дожди) и некоторые другие эпизоды и представляли бы собой для других поколений некие «мнемоники» для решений — как поступать в аналогичных обстоятельствах. Тем и ценны эти так называемые «суахилийские хроники», что, по сути дела, они — не историографические документы, а своеобразные своды нереальных и реальных эпизодов, долженствующие мнемонически изложить основные нормы традиционного

права, связанного с высокой социальной должностью, своды, еще не успевшие превратиться в литературные памятники прошлого или в мифы.

Не секрет, что многие такие «мнемоники» доходят к нам из очень далекого прошлого в виде мифов. Древнеегипетский миф об Осирисе и Исида — одна из таких мнемоник, роль которой — подтверждать божественное происхождение правовой нормы наследования титула фараона не братом, а сыном предшественника. С точки зрения «социального времени», события этого мифа располагаются за событиями (реальными) второй части «Хроники Пате», так как речь в нем идет о разрушении права двух братьев (Осириса и Сета), а по абсолютной исторической шкале между ними не менее шести или десяти тысяч лет. Некие реальные священные персоны неолитического общества Нильской Долины уже ко времени династийного Египта ушли в такое «далекое время», что превратились в абстрактных богов-небожителей. И хотя миф дошел до нас в виде отдельных эпизодов на древних фресках и в текстах очень поздних мистерий, древняя мнемоника не разрушилась.

По одной версии, «злой» старший брат Сет убивает юного Осириса, а две жены последнего (Исида и Нефтида) оживляют его на время, и Исида рождает Гора, сына-наследника. Эта версия имеет аналогию в суахилийской двухступенчатой схеме права — старший брат лишен права на потомство.

По второй версии, «злой» младший брат Сет убивает старшего брата Осириса, вступившего в брак с двумя женами, пока Сет охотился в пустыне (т. е. проходил практическую юношескую выучку). Нефтида — несомненно, та жена-сестра, которая должна была ввести в сан Сета (а Осирис должен был сложить его с себя), но старший брат «узурпировал» эту женщину. Однако жены Осириса — две матери — рожают (считается, что физиологически — Исида) ему наследника Гора, который убивает Сета. Эта версия много сложнее первой, скорее всего в ней спрессованы несколько мнемоник: мнемоника ритуала, по которому наследник убивает предшественника; мнемоника повторного брачного ритуала, продлевающего пребывание персоны на посту; мнемоника, утверждающая, что сын, рожденный женщиной-хранительницей права после смерти мужа, все равно обладает правом наследования (после отца или после его брата — здесь еще не существенно).

События, отделенные не тысячами лет, а только сотнями, иногда остаются в социальной памяти народа не как мифы о богах, а как рассказы о подвигах древних царей-героев (смертных, но восходящих по происхождению к богам, т. е. к очень далеким и уже «бессмертным» предкам). Узловые эпизоды этих рассказов так же, несомненно, — социально-правовые мнемоники. Так, например, не «тройский конь» был причиной разрушения неприступной Трои, а слабость защиты вследствие внутреннего разлада. Неустойчивым был двухступенчатый династийный правящий организм. Как и у суахили XVIII века, представители двух кровных линий

наследовали власть через одного. Илиада фиксирует двух сыновей Приама и сына его брата Анхиза между ними. О борьбе этих линий в Илиаде нет речи, но она «присутствует» в факте несвоевременного брака юного Париса и Елены, что как бы вводит его в возрастной статус Энея. Появление «правовых двойников» — это неминуемый раскол населения Трои. Практически, видимо, было наоборот — «сторонники» (т. е. внеправовые родственники и их домочадцы) каждой из двух кровных линий правителей всячески старались вытеснить из права представителей «противной стороны», что и нашло свое выражение в попытке искусственно изменить социально-возрастной статус юного Париса. В повествовании также спрессованы несколько мнемоник различной древности: древнейшая мнемоника о запрете (и даже пагубности) брака мужчины и женщины одного возрастного статуса, даже если они из разных этносов; мнемоника о равном, осуществляемом по очереди, праве родных и двоюродных братьев (в суахилийской традиции — *ндугу*); самая древняя мнемоника — хранителями возрастного права братьев являются женщины, их жены-сестры, их матери; некоторый намек на то, что старший из двух кровных братьев в двухступенчатой системе права — не соперник младшему в смысле продолжения кровной линии родства (Париса стараются сравнять по статусу с Энеем, а Гектор, старший сын Приама, как-то не выглядит наследником отца). Со временем все эти мнемоники обретают массу литературных подробностей, которые так закрывают их собой, что они, уже ненужные и непонятные обществу, получают легендарные толкования, а на передний план выдвигаются «украснения», превращая все в героическую песнь.

Традиция суахилийских хроник и устных легенд не столь продолжительна, и совсем недавно они еще обладали реальной социально-правовой значимостью, но и здесь уже начался процесс «литературного обрастания» генеалогий и непосредственных правовых мнемоник. Так, начало каждой хроники или устной легенды сообщает о чьем-либо «происхождении» от известного в мусульманской традиции имени (включая Ноя), об «основании» суахилийских городов мусульманами-переселенцами (ибн-Мерваном, ибн-Зейдом, Хаджаджем и др.), о последовательном завоевании всех суахилийских городов кем-либо из ранних суахилийских *мфальме*, что напоминает во многом древнейшие легенды и надписи о походах правителей государств Древнего Востока, но, не будучи фиксированными ни на глиняных табличках, ни на плоских скалах, ни на каменных стелах, естественно, не вызывают того доверия, с которым необходимо относятся к надписям древних царей. Прочие «подробности», сопровождающие генеалогическую канву, как правило, просты и похожи на реальные события, но особого интереса не составляют. Истинная ценность — это возможность реконструкции части истории архаического права.